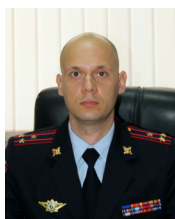

УДК 316.624:159.922.73

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-599-610

Школьная травля: особенности генезиса, проявлений и превенции девиаций межличностных общений

Сергей Анатольевич Буткевич

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
(Симферополь, Россия)
sbutkevich@mvd.ru

ORCID: 0000-0001-8122-2964

Аннотация

Введение. В статье всесторонне и последовательно рассмотрены существующие и появляющиеся девиации в подростковой среде, непосредственно или опосредованно связанные с обучением в общеобразовательных организациях. В ходе подготовки научной статьи изучены и проанализированы соответствующие нормы зарубежного законодательства, нормотворческие инициативы и правоприменительная практика в отдельных субъектах Российской Федерации. Дана подробная характеристика каждому из таких отклонений, определены их детерминанты, раскрыта специфика и сущность данных асоциальных и антисоциальных активностей, разработаны предложения по пресечению девиантного поведения школьников, минимизации последствий от травли, издевательств и оскорблений. **Цель** исследования – анализ научных взглядов на проблемы подростковой агрессии и жестокости в образовательной среде, осуществления превенции школьной травли, привлечения к ответственности буллеров, их родителей и педагогов за асоциальное и антисоциальное поведение. **Методология, методы и методики.** Методологической основой проведенного исследования стали философские, современные общие и специальные методы научного познания. Их применение обусловлено системным подходом, который позволил изучить проблемы последовательно и всесторонне, а также разработать авторские предложения в этой сфере. **Результаты** проведенного изыскания свидетельствуют об актуальности, своевременности, значимости и прикладном характере результатов проведенного исследования, касающихся исследования проявлений и превенции школьной травли, возникновения данного явления, устранения причин и условий, которые способствуют его развитию. **Научная новизна** статьи обусловлена комплексным и всесторонним анализом мультидисциплинарных научных исследований различных аспектов подростковой агрессии и жестокости в современных условиях, реальных и потенциальных угроз от школьной травли и издевательств. **Практическая значимость.** Представленные результаты могут использоваться в учебном процессе образовательных организаций высшего образования (юридические, психологические и педагогические специальности), научно-исследовательской деятельности при изучении данного феномена и сопутствующих девиаций, а также в практической деятельности школьных педагогов, воспитателей, психологов и правоохранителей в области предупреждения различных девиаций в подростковой и молодежной среде.

Ключевые слова

педагогические работники, подростковая агрессия, профилактическая деятельность, превенция девиаций, профилактика отклонений, традиционные ценности, физическое и психическое насилие, школьная травля

Для цитирования: Буткевич, С. А. (2024). Школьная травля: особенности генезиса, проявлений и превенции девиаций межличностных общений. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 599–610. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-599-610.

Original paper

School bullying: characteristics of genesis, manifestations and prevention of deviations of interpersonal relations

Sergey A. Butkevich

Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Simferopol, Russia)
sbutkevich@mvd.ru

ORCID: 0000-0001-8122-2964

Abstract

Introduction. The article discusses the existing and emerging deviations in the adolescent environment directly or indirectly related to schooling. In the course of scientific research, we systematised and analysed the relevant norms of foreign legislation, rule-making initiatives and law enforcement practice in some subjects of the Russian Federation. The author gives thorough analysis of each of these deviations, classifies their determinants, reveals the nature and characteristics of asocial and antisocial behaviour and offers recommendations to curb deviant behaviour of schoolchildren and reduce the consequences of bullying and abuse. The study **aims** to systematise and analyse scientific approaches of the problems of adolescent aggression and cruelty in a school setting; to implement prevention of school bullying; to bring bullies, their parents and teachers to account for asocial and antisocial behaviour. **Methodology, methods and techniques.** The methodological basis of the research was philosophical, contemporary general and special methods of scientific knowledge. Their application is based on the system approach, which enabled to study the problems gradually and thoroughly, as well as to develop the author's recommendations in this area. **The results** of the research demonstrate the relevance, urgency, significance and applied nature of the research related to the study of the manifestation and prevention of school bullying, the formation of this phenomenon, and the elimination of causes and circumstances that help its development. **Scientific novelty** is determined by a full and integral analysis of multidisciplinary scientific research of various aspects of adolescent aggression and cruelty in a contemporary society, real and potential threats from school bullying and abuse. **Practical significance.** The findings may be used in the educational process of higher educational establishments (in the field of law, psychology and pedagogy), in a scientific research while studying the phenomenon and related deviations, as well as in the practical work of school teachers, educators, psychologists and law enforcers to prevent various deviations among adolescents and young people.

Keywords

educators, adolescent aggression, preventive activity, prevention of deviations, prevention of aberrations, traditional values, physical and mental violence, school bullying

For citation: Butkevich, S. A. (2024). School bullying: characteristics of genesis, manifestations and prevention of deviations of interpersonal relations. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (4), 599–610. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-599-610.

Исторический экскурс в эпохи и этапы развития цивилизации свидетельствует о том, что насилие является неотъемлемой составляющей общественного бытия и коллективного сознания. Несмотря на эволюцию форм, методов, приемов, способов совершения насильственных действий и их инструментария, невозможно назвать какой-либо исторический период, государство или социум, в которых бы оно не применялось в том или ином формате.

В XXI в. турбулентность научно-исследовательского интереса и фокус внимания правоохранителей к травле (буллингу) как одной из форм отклонений в поведенческих паттернах и нарративах обусловлены в первую очередь геометрическим ростом проявлений неосознанной, неконтролируемой агрессии или неоправданной жестокости детьми и подростками. Тем не менее научные исследования явлений травли, издевательств и насилия среди малолетних и несовершеннолетних не только разновекторны, мультидисциплинарны и многогранны, но и противоречивы. Это подтверждает полифонию подходов к их пониманию, неоднозначность толкования и, соответственно, сумбурность превентивных действий и контрмер.

Именно с травлей в общеобразовательных организациях зачастую непосредственно связаны нарушения идентичности, формирование и развитие чувств безвыходности, безнадежности и одиночества, рецидивы феноменов «колумбайн», «скулшутинг», суицидальных, экстремистских проявлений (Губченко, 2022) и их модусов (Коноплева, 2017). При этом негативные последствия от травли, издевательств, унижений и оскорблений часто носят пролонгированный травмирующий характер и могут проявляться в более зрелом возрасте. Это подтверждают и факты массовых убийств, совершаемых «стрелками» в школах даже после завершения обучения. Безусловно, педагогические работники не должны быть единственными на фронтире или становиться авангардом в вопросах превенции школьных девиаций. Уверены, что на маркеры реальных и лакмусы потенциальных угроз в этой сфере, существующие девиации, их детерминанты и последствия должны адекватно, адаптивно и гибко реагировать (предвидеть, предупреждать, купировать, сублимировать, устранять) семья, образовательные организации и органы правопорядка, консолидируя свои усилия, гармонично и согласованно взаимодополняя друг друга (Сафонов, 2017).

Традиционно считается, что конфликты среди несовершеннолетних, в т. ч. в образовательных организациях и (или) с одноклассниками, сверстниками, закономерно возникают в процессе борьбы подростков за авторитет, власть, лидерство, внимание и влияние в определенной социальной группе. Вместе с тем общественная опасность крайних форм травли обусловлена рядом причин и условий, в т. ч. распространенностью и будничностью данного феномена в исследуемой среде, наличием причинно-следственной связи с насильственным поведением, несовершенством психолого-педагогических инструментов, бессистемным взаимодействием семьи со школой, противоречивостью механизмов правоохранительного контроля и юридической ответственности за девиации в данной области (Цындра, 2022). К тому же во избежание репутационных рисков и имиджевых потерь наличие проблем травли часто замалчивается руководством и педагогическими коллективами образовательных организаций. Они не всегда замечаются, распознаются или же вообще игнорируются и скрываются ввиду нежелания либо неспособности реагировать на них и ликвидировать их последствия.

Не секрет, что иногда педагоги сами вовлечены в инициирование процесса непосредственной или опосредованной травли как удобной формы коллективного дисциплинарного воздействия на «аутсайдеров», изгоев, нерадивых и недисциплинированных обучающихся.

Это могут быть: обсуждение при коллективе (классе) каких-либо недостатков школьника, его внешнего вида, личных качеств, поведения, успеваемости, родителей; игнорирование физических потребностей ребенка; повышенный тон, насмешливые интонации, нецензурная брань; предвзятое отношение, в т. ч. необъективное выставление оценок; неэтичные замечания, некорректные реплики, сарказм; армейский принцип «воспитание коллективом». Но если такие события и лица получают общественный резонанс, то социум, администрации школ, профильные министерства, надзорные ведомства, судебные инстанции и правозащитные организации всегда выбирают сторону детей, глубоко не погружаясь в причины, суть проблемы и конфликтной ситуации. В то же время родители виновных или пострадавших детей чаще всего идут самым простым путем, переводя их в другие образовательные организации или обеспечивая их социальную изоляцию (например, перевод на семейное образование, установление ограничений на использование гаджетов, запрет прогулок). В синергии это приводит к еще большей популяризации школьной травли и появлению новых вариаций агрессивного, жестокого и противоправного поведения ее участников.

Другими словами, для школьной травли, как правило, характерно умышленное (осознанное), систематическое, продолжительное (повторяемое) и последовательное агрессивное или жестокое поведение индивида или микроколлектива по отношению к определенному лицу или группе лиц в целях унижения, доминирования, физического или психологического самоутверждения, в т. ч. с использованием информационно-телекоммуникационных средств. Она может включать широкий спектр поведенческих действий, преимущественно маскируемых или скрытых от окружающих (латентных) – физическое нападение, преследование, запугивание, вымогательство, террор, насильственное изъятие чего-либо, принуждение что-то сделать, повреждение и другие действия с имуществом, вербальные издевательства, социальная изоляция жертв. Несомненно, школьная травля приводит к негативным последствиям и пагубно влияет на всех участников образовательного процесса. В то же время систематичность, повторяемость и продолжительность школьной травли мы считаем не обязательными, имманентными признаками, а скорее обстоятельствами, отягчающими ответственность, поскольку даже однократные и непродолжительные действия агрессора иногда могут причинить жертве более тяжкий физический и (или) психический вред, чем многократные подтрунивания либо насмешки, осуществляемые при поддержке либо попустительстве (молчаливом согласии) части или всего коллектива. Подростку самому трудно признать, что он стал объектом травли, поскольку обычно его ждет не квалифицированная помощь специалиста(-ов) и сочувствие, а в лучшем случае ритуальное общение со школьным психологом (в худшем случае – «ябедник не любит»), формальное анкетирование обучающихся, дежурная беседа с классом под лозунгом «в конфликте всегда виноваты обе стороны».

Полагаем, что травля становится следствием формирования асоциальной (антисоциальной) направленности личности подростка, выступая в качестве преморбидного фона, поскольку жертву, которая младше, слабее или уязвимее, постоянно унижают, а запугивания, издевательства и экзекуции формируют камуфлируемые чувства ненависти, агрессии, враждебности, желания мести и уничтожения обидчика. У самого абьюзера вследствие систематического, сознательного унижения жертвы, применения физического и (или) психического насилия по отношению к ней формируются устойчивые чувства безнаказанности, вседозволенности, всевластия, легитимности совершаемых насильственных действий и унижений. Одновременно с этим культивированию школьной травли благоприятствуют: ненадлежащее семейное воспитание (Пестов, Савочкина, Габдуллин, 2023) или его отсутствие (Душкин, Гончарова, 2021); гипер- либо гипоопека родителей или заменяющих их лиц; неблагоприятный микроклимат и напряженная психологическая атмосфера в общеобразовательной органи-

зации; вредные привычки, неправильный образ жизни и ограниченный круг общения, противоречия становления характера и первичная социализация школьника; формализм в осуществлении воспитательной работы в образовательной организации; слабые эмоциональные ресурсы и недостаточные профессиональные компетенции педагога, с перекалыванием ответственности за воспитание ребенка на институт семьи, улицу, спортивные секции, кружки, общество и др. В последнем случае речь идет о «делегировании» педагогом своих задач и обязанностей по воспитательной работе неопределенному кругу лиц («даже стул воспитывает ученика», «воспитание атмосферой»), своеобразном аутсорсинге.

Как правило, объектами школьных издевательств и травли становятся виктимные личности, каким-либо образом отличающиеся от основной массы, – внешним видом, гендером, физическими признаками, поведением, привычками, социальным статусом и уровнем доходов родителей, принадлежностью к другим культурным, этнонациональным, религиозным группам, дети мигрантов или переселенцев, новички и т. д. Этому также благоприятствуют такие деликтогенные факторы, как кибераддикция (Никитина, 2022), маргинальность (в т. ч. форсированная интересом к уголовной субкультуре), дифференциация и неравенство членов социальной группы, социальная виктимность, недостатки в организации воспитания и правового просвещения. Очевидно, что главным отличием травли от конфликтов, противоречий и споров является то, что в последних стороны равны, а при травле жертва всегда слабее и уязвимее, ей сложнее себя защитить в виртуальном пространстве или физическом мире (дисбаланс сил).

Часто в поведении современных подростков проявляются эмоциональная неустойчивость, ценностно-смысловая неопределенность, стыдливость, агрессивность, напряженность, подозрительность, негативизм, конфронтационное отношение к окружающим (фронта «оппозиционностью», бунтарство), склонность к крайним оценкам и суждениям, фобии и тревоги, преимущественное времяпрепровождение в киберпространстве и, как следствие, отсутствие навыков коммуникации офлайн. В то же время самооценка агрессоров, преследователей, организаторов (зачинщиков, инициаторов) травли всегда высокая, у них ярко выражены самоуверенность, стремления к доминированию и успеху, они имеют более высокий социальный статус и стремятся занять еще более высокое положение, заработать дешевый авторитет, относясь к травле либо как к шутке, развлечению, игре, шалости, не чувствуя вины, стыда и эмпатии, либо с осознанным желанием причинить боль, напугать или держать жертву в состоянии стресса и длительного дискомфорта. Именно поэтому таким девиантам необходимы демонстрация своей активности и третьи лица – свидетели (наблюдатели) либо документирование (фото-, видео-, аудиофиксация) с последующим распространением этих действий с помощью социальных медиа. Поэтому неединичны предложения о том, что к ответственности за причастность к данной противоправной деятельности целесообразно привлекать и свидетелей травли при условии, что они не вмешивались и (или) не оказывали помощь жертве. Также в качестве наказаний предлагается привлечение виновных детей и их родителей к волонтерским мероприятиям (назначение «курса исправления»), блокирование в социальных сетях страниц подростков, причастных к кибербуллингу, и реализация других репрессивных мер с запущенным маховиком ювенальной юстиции.

Мы категорически против деиндивидуализации наказания и трансмиссии ответственности, поскольку вместо виновных в травле подростков в таких случаях наказание понесут родители или педагоги, т. е. ребенок де-факто не почувствует себя виновным и наказанным. К тому же если в издевательствах участвовал весь класс (активно или пассивно), это также на порядок усложнит работу правоохранителей, но без увеличения КПД и повышения эффективности осуществляемой превенции. В дополнение ко всему агрессия родителей (как часть

последующего «воспитательного» процесса) (Токарчук, 2022) по отношению к детям-абузерам будет проецироваться на жертвах последних в школе, а советы пострадавшим сводиться к «дай ему сдачи!», «поступи с ним [обидчиком] также». В свою очередь педагогический состав еще с большим рвением будет заниматься укрывательством подобных фактов, а реализация воспитательной функции права будет полностью нивелирована. Вот почему инициативы по введению института ответственности родителей или лиц, их заменяющих, педагогического и руководящего состава образовательных организаций за девиации подростков в этой сфере, ужесточение репрессивных мер и выбор в пользу реактивного подхода к данной проблеме не принесут ожидаемых результатов, а сделают ее глубоко латентной и прогрессирующей.

С другой стороны, объектом травли может быть и учитель (в том числе классный руководитель), подвергающийся издевательствам в целях провокации на ответную эмоциональную реакцию, спонтанные поступки, ненормативную лексику. Чаще всего это связано с патологическим желанием детей зафиксировать подобный контент на камеры мобильных телефонов и немедленно выложить его на видеохостингах или в социальных медиа, заработав однодневную мнимую популярность в виде «лайков», репостов и комментариев («хайпануть»).

Объективная сторона таких действий школьников может включать саботаж или воспрепятствование деятельности педагогических работников, оскорбительное общение, дискредитацию морально-деловых качеств и профессиональной компетенции педагога, демонстративное игнорирование учителя как такового и его требований, физическое насилие или угрозу его применения, попытки компрометации. Указанные девиации могут быть связаны как со спецификой деятельности образовательных институций, личными качествами обучающихся, так и формальным или отсутствующим авторитетом, несформированной резильентностью, утратой субъектности самими педагогическими работниками. В таком случае реализация любой государственной стратегии, региональной программы или плана работы общеобразовательной организации по предупреждению школьной травли и развитию взаимоуважения среди обучающихся будут просто симулякрами, формальностями, очередными отписками для вышестоящих инстанций, проверяющих и контролирующих органов, не имея в реальности ничего общего с превенцией девиантного и антисоциального поведения подростков.

В контексте данного исследования подчеркнем недопустимость смещения акцентов с воспитания на обучение, не оставляя без внимания внеурочную (внеклассную) деятельность. Приходится констатировать, что сегодня для педагогического состава на первый план директивно выходят имидж школы, конкурсы профессионального мастерства, гранты, научно-представительские и отчетные мероприятия, применение инновационных технологий и новаторских педагогических методик в обучении, улучшения учебно-материальной базы, взаимодействие с родительскими комитетами и бюрократические моменты. Поэтому второстепенными ожидаемо становятся формирование и поддержание здорового психологического климата в коллективе, воспитание и привитие детям культуры поведения в общественных местах, чувства такта, взаимоуважения, мирного сосуществования, дружбы, товарищества, патриотизма, гуманизма, традиционных для Российского государства духовно-нравственных ценностей, пропаганда правовых знаний (Котляр, 2022).

Далее рассмотрим нормативное правовое регулирование исследуемых и смежных вопросов и законодательные инициативы в этой сфере, в т. ч. на постсоветском пространстве и региональном уровне.

Согласно казахскому закону «О правах ребенка в Республике Казахстан» под травлей или буллингом понимаются систематические (два и более раза) действия унижительного характера, преследование и (или) запугивание, в т. ч. направленные на принуждение к совершению или отказу от совершения какого-либо действия, а равно те же действия, совершенные публично

или с использованием массмедиа и (или) сетей телекоммуникаций, и (или) онлайн-платформ (кибербуллинг)¹. Соответствующие изменения в законодательстве (с 15 апреля 2024 г.) коснулись полномочий центральных и местных исполнительных органов по вопросам защиты прав ребенка в государстве (в части разработки и утверждения программ помощи несовершеннолетним, подвергшимся насилию, жестокому обращению, буллингу, а также несовершеннолетним, в присутствии которых совершены правонарушения против личности), требований, предъявляемых к деятельности органов управления образованием городов республиканского и областного значения, столицы и районов (обеспечение реализации мероприятий по профилактике травли ребенка), и дополнения перечня прав ребенка на жизнь, личную свободу, неприкосновенность достоинства и частной жизни.

Еще дальше пошли узбекские парламентарии, которые в законопроекте «О защите детей от всех форм насилия» инициировали расширение общепринятых форм насилия над детьми (физическое, психологическое, сексуальное) следующими:

а) буллинг – использование группой детей или одним ребенком оскорбительных прозвищ в отношении другого ребенка или детей, в частности, в отношении жертвы насилия, ограничение (бойкот) любого общения с ним, отнятие и (или) причинение вреда его имуществу, массовое обсуждение присущих ему физических, психологических или интеллектуальных особенностей, унижение чести и достоинства либо причинение вреда здоровью и жизни, в т. ч. и продолжительное психологическое и (или) физическое агрессивное поведение в социальных сетях и интернете;

б) эксплуатация – принуждение путем применения физического или психического воздействия к совершению (несовершению) действия, принуждение ребенка к любой форме труда, в т. ч. торговле людьми, сексуальной эксплуатации, вступлению в брак или продолжению проживания в браке, антиобщественному поведению и попрошайничеству, получению религиозного воспитания и определению ребенком религиозной позиции, принуждение его к труду в любой форме, представляющей опасность для здоровья, безопасности, нравственности, умственного и физического развития, в т. ч. препятствующей образованию ребенка;

в) отсутствие заботы – неудовлетворение родителями (лицами, их заменяющими) физических, материальных и (или) психологических потребностей находящегося на попечении ребенка, несмотря на имеющиеся возможности, наличие необходимых знаний и навыков, а также возможностей соответствующих служб (медицинских, образовательных, социальных и пр.), приводящее к серьезным нарушениям здоровья, физического, умственного, духовного и нравственного развития ребенка².

Также планировалось ввести новые институты – выдача органами внутренних дел охранного ордера для детей-жертв насилия (на срок от 30 дней до года), создание круглосуточного телефона доверия для оказания им бесплатной помощи; право детей обращаться напрямую или через законного представителя в суд с требованиями о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда; запреты для родителей и педагогов на насильственные методы воспитания детей и их физические наказания; защита детей от оказывающей вредное воздействие информации.

В законе Республики Таджикистан «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка» воспитание определяется как целенаправленный процесс воспитания ребенка родителями (лицами, их заменяющими), образовательным учреждением, обществом и его подготовка

¹ Закон Республики Казахстан от 8 августа 2002 г. № 345-III «О правах ребенка в Республике Казахстан» (2002). *Казахстанская правда*, в ред. от 20 августа 2024 г., 174.

² Проект закона «О защите детей от всех форм насилия» прошел первое чтение. Главное (2024). *Газета.uz*. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/02/27/protecting-children-from-violence/>

к самостоятельной жизни³. Схожие законы есть и в отдельных субъектах Российской Федерации (например, в Республике Дагестан). В свою очередь в Единой концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики обращается внимание на воспитание детей и на дошкольном этапе. Подчеркивается, что именно в семье формируется и развивается личность человека, происходит овладение ими социальными ролями, необходимыми для безболезненной адаптации ребенка в обществе, закладываются основы нравственности человека, формируются нормы поведения, раскрываются внутренний мир и индивидуальные качества личности. Соответственно семья должна способствовать не только формированию личности, но и самоутверждению человека, стимулировать его социальную и творческую активность, раскрывать его индивидуальность. Основными принципами семейного воспитания закреплены: гуманность и милосердие к ребенку; вовлечение детей в жизнедеятельность семьи как ее равноправных участников; открытость и доверительность отношений с детьми; последовательность и согласованность родителей в своих требованиях; оказание помощи ребенку, готовность отвечать на его вопросы; социальная направленность (погружение в реальные проблемы жизни) и др.⁴

Однако обратной стороной медали видится контрпродуктивная активность государственных и общественных деятелей, музыкальной, теле- и киноиндустрии, лидеров общественного мнения, известных блогеров и т. п., которые не несут никакой юридической и моральной ответственности за формирование асоциального, нигилистического, маргинального и агрессивного общества в результате потребления создаваемых ими информационных продуктов. К примеру, несмотря на маркировку возрастным ограничением «18+», российский криминальный сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте» (2023 г., режиссер Ж. Крыжовников), повествующий о жизни молодежных группировок в г. Казани конца 1980-х годов, посмотрели в т. ч. и школьники. А заявление главы Чечни Р. Кадырова 10 октября 2024 г. об объявлении кровной мести трем членам Совета Федерации и Государственной Думы («древний и красивый обычай») мгновенно растиражировали все интернет-ресурсы. Подобные «решения» возникающих конфликтов, безусловно, будут экстраполироваться подростками и для «урегулирования» проблем и противоречий в школьной среде, при коммуницировании и проведении досуга. Благодаря этому в подростковой и молодежной среде с помощью массмедиа, социальных сетей и мессенджеров могут беспрепятственно популяризоваться различные девиации, активно продвигаться аномальные нарративы, с обесцениванием традиционных смыслов, прививаемых ориентиров, наставлений и советов родителей и учителей, а также их подменой на вредные и чуждые нашему обществу и государству «нормальности». Далее формируется новая, альтернативная смысловая система, в которой неолиберальные ценности и культурное расчеловечивание становятся безальтернативными нормами поведения, стандартами мышления, обыкновениями и данностями.

В сентябре 2024 г. на различных интернет-ресурсах появилась информация о том, что Министерство просвещения РФ хочет исключить из школьной программы слова «гендер», «толерантность», «домашнее насилие» и т. д. в целях приведения образовательных программ к «национальному воспитательному идеалу». В частности, слова «домашнее насилие и буллинг» предлагается заменить формулировкой «психологическое насилие, систематическое унижение чести и достоинства, издевательства, преследование». Словосочетание «гендерные

³ Закон Республики Таджикистан от 20 июня 2024 г. № 2049 «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка» (2024). База данных ЦБПИ «ADLIA». URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=148567

⁴ Указ Главы Чеченской Республики от 5 октября 2021 г. № 177 «Об утверждении Единой Концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики» (2021). *Вести Республики*, 77 (3370).

особенности» будет заменено словом «пол», а «толерантность» – «взаимоуважением». Конечно же, исключение тех или иных формулировок из школьных курсов, нормативных актов или общения (например, англицизмов) не имеет ничего общего с решением проблемы, в т. ч. касающейся школьной травли.

Схожая по сути законотворческая инициатива касается ограничений или запретов публикаций в массмедиа и на интернет-площадках подробностей насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Так, по мнению ее инициаторов (депутаты Государственной Думы, руководство Следственного комитета РФ), новостные сообщения о таких происшествиях не должны раскрывать какую-либо личную информацию, персональные данные и характеристики подозреваемых и обвиняемых, упоминания об орудиях преступления, комментарии свидетелей, родных и близких жертв или самого злоумышленника. Как считает вице-спикер Государственной Думы Б. Чернышев, «выгодоприобретатель от подробностей таких преступлений только один – владельцы информационных ресурсов, которые наращивают посещаемость за счет препарирования трагедий детей на глазах у миллионов читателей», к тому же может наблюдаться волновой, каскадный характер совершаемых общественно опасных деяний (к примеру, синдром Вертера). Что же касается крайних форм агрессивного и жестокого поведения подростков, то в большинстве случаев без огласки или общественного резонанса достичь справедливости жертвам школьной травли бывает невозможно. Как уже говорилось выше, школьные администрации почти всегда стараются замолчать и спустить на тормозах любые конфликты. Как следствие, дети могут годами подвергаться травле, издевательствам, побоям, вымогательствам, другим формам противоправного психического (информационного) и физического воздействия.

Таким образом, предложения по совершенствованию нормотворчества (в первую очередь установления ответственности за такие правонарушения) в этой сфере зачастую носят популистский и демагогичный характер, оторваны от актуальной правоприменительной и правоохранительной деятельности, поэтому, на наш взгляд, нецелесообразно останавливаться на них всех подробно. К примеру, одна из недавних рекомендаций Национального антитеррористического комитета родителям и педагогам – обращать внимание на детей, у которых менее ста друзей в социальных сетях, поскольку это может указывать на их опасность и интерес к массовым убийствам, вовлеченность в деятельность групп деструктивного и агрессивного спектра. Получается, что речь о ребенке-интроверте или создании им нескольких страниц в одной социальной сети для различных целей (общение; прослушивание или просмотр контента; знакомства; «официальная» для родителей или дистанционного обучения и т. п.) идти не может. Уверены, что более логичным и оправданным будет формирование в школьных коллективах нетерпимого отношения к травле, а эффективность превенции ее детерминант и проявлений будет достигаться только благодаря комплексности, сочетанию различных форм работы (мониторинг, диагностика, индивидуальные профилактические, корректирующие и воспитательные беседы, интерактивные лекции, тематические занятия, выставки, плакаты, тренинги, экскурсии, соревнования, концерты, прикладное творчество), всеохватности (привлекаются все обучающиеся, родители, педагоги, психологи, воспитатели) и целостности планируемых и проводимых мероприятий, развитию стойкого коллективного иммунитета к данным девиациям.

Поскольку девиации, которые можно отнести к школьной травле, уже содержатся в отдельных статьях Кодекса об административных правонарушениях, Уголовного кодекса и Гражданского кодекса Российской Федерации (например, оскорбление, хулиганство, клевета, побои; компенсация морального вреда и т. п.), нет необходимости выделять это отклонение в отдельный деликт. Аналогичного подхода законодатель придерживался и по правонарушениям

экстремистской направленности и террористического характера (Чудина-Шмидт, 2022), в т. ч. не выделяя совершенные с помощью информационно-телекоммуникационных технологий (например, кибертерроризм). Вместо пенализации дополнительных девиаций лучше переосмыслить организацию и содержание воспитательной, просветительской, мониторинговой и аналитической работы в образовательных организациях, постоянно улучшая взаимоотношения среди участников образовательного процесса. Это касается и недопущения чрезмерной заорганизованности и зарегулированности деятельности по превенции девиаций в межличностном общении (см. закон Кыргызской Республики «Об охране и защите от семейного насилия»).

На основании проведенного исследования к основным проблемам превенции школьной травли нами отнесены: деликатность проблемы и, как следствие, ее замалчивание или отрицание; подход к травле как к проблеме двух или нескольких участников, а не всего коллектива; чувство беспомощности у детей в контексте равнодушия и безразличия взрослых; невозможность составления унифицированных алгоритмов действий по превенции и пресечению дифференцированных вариаций школьной травли; несформированность ценностных ориентиров и морально-нравственных качеств у подростков; недооценка роли классного руководителя, педагога как лидера коллектива; отсутствие навыков бесшовного, бесконфликтного, системного и комплексного решения таких проблем. С учетом изложенного полагаем, что данный вопрос должен решаться не в правовом поле, а прежде всего на уровне психолого-педагогической работы с обучающимися как в групповой, так и индивидуальной формах, как с агрессорами и их пособниками, так и свидетелями и жертвами, родителями и педагогами, с участием воспитателей и психологов, юристов и правоохранителей.

По нашему мнению, травля является агрессивным поведением, крайне нежелательным для любого коллектива, организации и сферы деятельности, и если в подростковом возрасте такие девиации своевременно не пресекать, то в дальнейшем асоциальная (антисоциальная) активность может трансформироваться в общественно опасные деяния. Поэтому педагогический коллектив во взаимодействии с родителями (лицами, их заменяющими), правоохранительными органами и институтами гражданского общества в рамках воспитательной работы должен выявлять, идентифицировать, локализовывать, устранять и не допускать в дальнейшем причин и условий, способствующих появлению и развитию данных явлений как в стенах школы, так и за ее пределами. Иначе говоря, приоритетной задачей уполномоченных субъектов и привлекаемых акторов должно стать обеспечение формирования и функционирования безопасной и комфортной образовательной среды для всех ее участников, осуществляемое на общественном, школьном, классном и индивидуальном уровнях.

Список литературы

- Губченко, Е. С. (2022). Деструктивные проявления протестной активности несовершеннолетних и молодежи как одна из форм проявлений экстремизма. В *Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции* (г. Симферополь, 20 мая 2022 г., стр. 56–58). Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
- Душкин, А. С., Гончарова, Н. А. (2021). Факторы семейного воспитания в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей. *Психология и педагогика служебной деятельности*, 1, 30–35.
- Коноплева, А. А. (2017). Кризис идентичности современного человека: причины развития, формы, проявления, последствия. В *Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность: межвузовский сборник научных трудов* (г. Краснодар,

- 14 апреля 2017 г., вып. 14, стр. 61–65). Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
- Котляр, А. И. (2022). Правовая пропаганда среди несовершеннолетних как средство совершенствования правоохранительной деятельности. В С. А. Буткевич (ред.), *Протестная активность несовершеннолетних и молодежи: причины, формы и методы профилактики деструктивных и радикальных проявлений*: монография (стр. 105–111). Симферополь: Полипринт.
- Никитина, Л. Н. (2022). Психологические аспекты нарушения социализации несовершеннолетних киберрадикалов. *Проблемы современного педагогического образования*, 76-2, 140–143.
- Пестов, Р. А., Савочкина, Д. О., Габдуллин, Т. Р. (2023). Профилактика семейно-бытового насилия: междисциплинарный аспект. *Евразийский юридический журнал*, 7 (182), 108–110.
- Сафонов, Д. А. (2017). К вопросу о перспективных направлениях обеспечения безопасности от преступных и иных противоправных посягательств. В *Актуальные вопросы конституционного и административного права*: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Ростов-на-Дону, 28 февраля 2017 г., стр. 151–165). Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России.
- Токарчук, Р. Е. (2022). Правовые проблемы применения воспитательного принуждения для профилактики деструктивных и радикальных проявлений молодежи. В С. А. Буткевич (ред.), *Протестная активность несовершеннолетних и молодежи: причины, формы и методы профилактики деструктивных и радикальных проявлений*: монография (стр. 36–57). Симферополь: Полипринт.
- Цындра, В. Н. (2022). Санкции, применяемые к несовершеннолетним лицам, совершившим административные правонарушения: анализ зарубежного опыта. В *Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы*: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Симферополь, 20 мая 2022 г., стр. 339–343). Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
- Чудина-Шмидт, Н. В. (2022). Экстремизм и терроризм: от мысли к действию. *Евразийский юридический журнал*, 12 (175), 427–428.

References

- Gubchenko, E. S. (2022). Destruktivnye proyavleniya protestnoj aktivnosti nesovershennoletnih i molodezhi kak odna iz form proyavlenij ekstremizma. V *Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy*: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Simferopol', 20 maya 2022 g., str. 56–58). Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii.
- Dushkin, A. S., Goncharova, N. A. (2021). Faktory semejnogo vospitaniya v profilaktike deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih pravonarushitelej. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatelnosti*, 1, 30–35.
- Konopleva, A. A. (2017). Krizis identichnosti sovremennogo cheloveka: prichiny razvitiya, formy, proyavleniya, posledstviya. V *Aktual'nye voprosy sociogumanitarnogo znaniya: istoriya i sovremennost'*: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov (g. Krasnodar, 14 aprelya 2017 g., vyp. 14, str. 61–65). Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii.
- Kotlyar, A. I. (2022). Pravovaya propaganda sredi nesovershennoletnih kak sredstvo sovershenstvovaniya pravooxranitel'noj deyatelnosti. V S. A. Butkevich (red.), *Protestnaya aktivnost'*

nesovershennoletnih i molodezhi: prichiny, formy i metody profilaktiki destruktivnyh i radikal'nyh proyavlenij: monografiya (str. 105–111). Simferopol': Poliprint.

- Nikitina, L. N. (2022). Psihologicheskie aspekty narusheniya socializacii nesovershennoletnih kiber-addiktov. *Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 76-2, 140–143.
- Pestov, R. A., Savochkina, D. O., Gabdullin, T. R. (2023). Profilaktika semejno-bytovogo nasiliya: mezhdisciplinarnyj aspekt. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*, 7 (182), 108–110.
- Safonov, D. A. (2017). K voprosu o perspektivnyh napravleniyah obespecheniya bezopasnosti ot prestupnyh i inyh protivopravnyh posyagatel'stv. V *Aktual'nye voprosy konstitucionnogo i administrativnogo prava*: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii (g. Rostov-na-Donu, 28 fevralya 2017 g., str. 151–165). Rostov-na-Donu: Rostovskij yuridicheskij institut MVD Rossii.
- Tokarchuk, R. E. (2022). Pravovye problemy primeneniya vospitatel'nogo prinuzhdeniya dlya profilaktiki destruktivnyh i radikal'nyh proyavlenij molodezhi. V S. A. Butkevich (red.), *Protestnaya aktivnost' nesovershennoletnih i molodezhi: prichiny, formy i metody profilaktiki destruktivnyh i radikal'nyh proyavlenij*: monografiya (str. 36–57). Simferopol': Poliprint.
- Cyndrya, V. N. (2022). Sankcii, primenyaemye k nesovershennoletnim licam, sovershivshim administrativnye pravonarusheniya: analiz zarubezhnogo opyta. V *Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy*: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Simferopol', 20 maya 2022 g., str. 339–343). Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii.
- Chudina-Shmidt, N. V. (2022). Ekstremizm i terrorizm: ot mysli k dejstviyu. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*, 12 (175), 427–428.

Информация об авторе

Сергей Анатольевич Буткевич – начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Республики Крым.

About the author

Sergey A. Butkevich – Head of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Crimea branch of Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Cand. Sci. (Jurid.), Docent, Honored Lawyer of the Republic of Crimea.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 22.10.2024
Одобрена после рецензирования 20.11.2024
Опубликована 28.12.2024

Submitted October 22, 2024
Approved after reviewing November 20, 2024
Accepted December 28, 2024